

Р.В. Карапетян¹, Е.В. Лебедева², Л.Г. Титаренко²

ТЕХНОЭЙДЖИЗМ И ТЕХНОПОВЕДЕНИЕ ПОЖИЛЫХ ГОРОЖАН: РЕЗУЛЬТАТЫ РОССИЙСКИХ И БЕЛОРУССКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ*

¹ Санкт-Петербургский государственный университет, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7/9,
e-mail: r.karapetyan@spbu.ru; ² Белорусский государственный университет, Беларусь, 220030, Минск, пр. Независимости, 4

Статья посвящена анализу социальных эффектов цифровой трансформации, происходящей в столичных мегаполисах (на примере Санкт-Петербурга и Минска), их влиянию на жизнедеятельность пожилых людей. Цифровая трансформация в данной статье рассматривается в двух аспектах — как внедрение цифровых технологий в повседневную жизнь (в том числе в контексте феномена «умный город») и как цифровая трансформация сферы труда (постоянно воспроизводимый процесс ее цифровизации). В контексте ее социальных эффектов акцентируется внимание на таких явлениях, как техноэйджизм (исключение пожилых людей из цифровой сферы) и связанный с ним техностресс.

Ключевые слова: цифровая трансформация, пожилые, «умный город», цифровые компетенции, дискриминация и эксклюзия пожилых в сфере труда

Сегодня цифровые технологии относятся к числу стратегических приоритетов развития инновационной составляющей большинства государств. Однако их влияние на общество двояко. Цифровая трансформация интенсифицирует развитие социальных и экономических систем, но она меняет устоявшийся порядок и принципы общественной жизни, что не всегда имеет позитивные следствия, формируя, в том числе, эффект ее неприятия некоторыми группами населения.

Вопросам построения информационного общества и цифровизации социальных процессов уделяется пристальное внимание в России и Беларуси. Государственная программа научных исследований «Общество и гуманитарная безопасность белорусского государства» на 2021–2025 гг. предполагает изучение социально-экономических перспектив и рисков развития процессов дигитализации Беларуси в контексте построения IT-страны, диагностику социокультурных условий и факторов цифровизации белорусского общества. Одним из приоритетных направлений научно-технической

политики является создание «умных городов», с помощью которых могут решаться проблемы адаптации городского населения к цифровизации, его интеграции в процессы цифровой трансформации [7]. В России одной из задач национального проекта «Цифровая экономика» на 2018–2024 гг. выступает разработка концепции 50 «умных городов» (сюда входит создание Генеральной схемы развития сетей связи и инфраструктуры городов, системы отраслевого регулирования использования киберфизических систем, включая «Интернет вещей» и т. д.) [13].

Среди острых проблем, связанных с цифровой трансформацией, исследователи называют цифровое неравенство — ситуацию, когда у какой-либо группы людей отсутствует или ограничена возможность доступа к современным информационным технологиям, а также к овладению цифровыми компетенциями [3, 5, 9, 19–21]. Цифровое неравенство является сложным многоуровневым понятием, имеющим много форм проявления, куда входят: технологически обусловленное неравенство (отсутствие или неразвитость соответствующей информационно-коммуникационной и технологической инфраструктуры); неравенство, вызванное социально-экономическими факторами (низкий уровень дохода, ограниченный доступ к овладению цифровой грамотностью, отсутствие соответствующих навыков и компетенций); неравенство демографического и культурного плана, затрудняющее процесс овладения новыми технологиями. Цифровое неравенство часто приводит к такому явлению, как техноэйджизм. Этот термин понимается в статье как явление социального порядка, представляющее собой социокультурное давление на людей пожилого возраста в результате цифровизации сферы их профессиональной деятельности [12]. Мы исходим из того, что распространение цифровых технологий

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-511-00011 и гранта БРФФИ № Г20Р-109.

в сфере труда приводит к дискриминации работников старших возрастных групп, не обладающих достаточными знаниями и навыками применения в профессиональной деятельности продуктов информационно-коммуникационных технологий.

Пожилые люди, то есть лица 60 лет и старше (по классификации ВОЗ именно они относятся к пожилым¹), оказываются особенно уязвимыми в условиях, когда цифровизация уже распространилась на все сферы жизни. Поскольку большинство пожилых проживают в городах², потенциально они могут использовать имеющиеся преимущества городских условий, все более концентрирующих достижения цифровой революции, однако по ряду причин, о которых речь пойдет ниже, часто не в состоянии делать этого.

Пожилые люди составляют значительную часть общества. По статистике Всемирного банка, Беларусь вместе с Японией и Болгарией входит в число стран с самой высокой долей пожилых людей. В Республике Беларусь на начало 2019 г. более пятой части населения относилось к пожилым, причем за последние 10 лет численность лиц этой группы увеличилась на 18,2% [14]. В РФ схожая ситуация — прирост численности пожилых граждан за последние 10 лет составил 20,6% [17]. Эти цифры, как неизбежный итог современных демографических тенденций, подтверждают важность проблемы вовлечения пожилых горожан в цифровые трансформации.

Целью статьи является анализ особенностей техноповедения пожилых горожан в сфере труда и быта, а также путей «смягчения» техноэйджизма, с которым сталкиваются пожилые. Задачи статьи: 1) обозначить существующие проблемы вовлечения в цифровизацию горожан старшего возраста на основе описания социальных эффектов цифровой трансформации современной жизни; 2) выявить проявления техноэйджизма в условиях цифровизации сферы труда (на примере авторских исследований, проведенных в Санкт-Петербурге и Минске); 3) рассмотреть взаимосвязь профессионального техноэйджизма и в повседневной сфере жизнедеятельности пожилых людей; 4) наметить возможные алгоритмы смягчения последствий техноэйджизма для пожилых горожан.

Эмпирическая база для решения обозначенных задач имеет качественно-количественную природу и включает: 1) результаты телефонного опроса жителей Санкт-Петербурга, посвященного обучению и использованию цифровых технологий в труде (опрос по стратифицированной выборке, $n=1\,000$)³; 2) тексты глубинных интервью, проведенных в одной из успешных белорусских компаний из Парка высоких технологий (2020 г., $n=40$, для статьи отобраны только ответы информантов старше 50 лет — 11 чел.). Телефонный опрос использовали для иллюстрации степени вовлечения пожилых людей в новые технологии в профессиональной деятельности, тексты глубинных интервью демонстрировали восприятие ими данной ситуации «изнутри» (как именно это происходит, что влияет на вовлечение работников старшего возраста в цифровую трансформацию).

Решение поставленных в статье задач иллюстрирует дальнейшие перспективы проведения исследований в сфере, в которой ощущается дефицит работ, посвященных анализу динамики процесса исключения пожилых людей из цифровой трансформации (с чего он начинается, какие стадии проходит, какие факторы на него влияют и т.п.). Существующие на данный момент исследования сфокусированы, в основном, на результатах такой эксклюзии. Они показывают, как можно сократить имеющиеся цифровые разрывы, то есть превратить пожилого человека в пользователя персонального компьютера [13], выявить причины и потребности старшего поколения в освоении и использовании интернет-технологий [6], обозначить риски включения в интернет-пространство пожилых пользователей [1, 12]. Новизна предлагаемого в статье подхода состоит в том, что внедрение цифровых технологий в профессиональную деятельность и повседневный быт горожан рассматривается не как параллельная траектория, а как взаимосвязанный процесс. Мы полагаем, что между ними существует большое количество пересечений — техноэйджизм на рабочем месте (включая работников предпенсионного возраста) приводит к негативным последствиям в повседневной жизни — когда человек завершает трудовую деятельность или оказывается в вынужденной изоляции (как во время пандемии

¹ <https://www.who.int/>

² По данным статистики, на начало 2019 г. 71,6% белорусов пожилого возраста проживают в городах [14]. В РФ этот показатель на 1 января 2020 г. составил 73,6% [17].

³ Из 1 000 опрошенных сформировалась подвыборка, включающая 68% респондентов, которые оказались работающими людьми. Половозрастные характеристики опрошенных работающих граждан соответствовали общей структуре трудоспособного населения города. Исследование проведено на базе ресурсного Центра социологических и интернет-исследований Научного парка СПбГУ в 2019 г.

Covid-19). С другой стороны, «цифровое отставание» в повседневной жизни сужает границы вовлеченности людей предпенсионного возраста в трудовую среду, создавая объективные предпосылки распространения техноэйджизма.

Цифровая трансформация и техноповедение пожилых горожан

Современные представления о цифровом городе («Умный город 2.0») характеризуются активным смещением от технологического (количество, сложность, разнообразие используемых технологических решений) к социальному, поведенческому аспекту (степень охвата горожан цифровыми технологиями и их влияние на качество городской жизни). Главная задача новых технологий — сделать жизнь современного жителя города проще, безопаснее и качественнее. Не случайно большинство используемых в городах цифровых решений преимущественно сосредоточены в сфере услуг (использование интернет-мессенджеров, интернет-банкинг, мобильный банкинг, заказ и покупка товаров через интернет, интерактивное телевидение, просмотр онлайн трансляций, услуги онлайн-регистрации и покупки билетов через интернет, электронные платёжные системы и т. д.). Цифровые технологии «умного города» способствуют достижению ряда положительных результатов. Они позволяют снизить смертность на 8–10%, повысить оперативность реагирования на чрезвычайные ситуации на 20–35%, сократить среднее время в пути на работу и с работы на 15–20%, снизить заболеваемость на 8–15%, сократить выбросы парниковых газов на 10–15% [16]. Поэтому цифровизация городской среды должна использоваться для роста качества жизни горожан, сохранения и приращения человеческого капитала, стимулирования устойчивого экономического развития. Информационные технологии в таком ракурсе превращаются из самодостаточной цели в средство, инструмент построения качественной городской среды, а целями становятся человекоориентированность, инклюзивность и устойчивое развитие.

Социальные эффекты цифровой трансформации определяются тем, насколько горожане вовлечены в использование цифровых решений, то есть *информированы об их наличии (1), имеют достаточный уровень доходов для приобретения технических устройств и оплаты телекоммуникационных услуг (2), а также обладают соответствующими навыками и компетенциями (3)*, необходимыми для уверенного применения новейших

технологий в повседневных практиках (при этом важно одновременное сочетание всех трёх компонентов). При расхождении между *доступностью* современных цифровых решений и их *реальным использованием* в повседневных практиках людьми разных возрастных групп, положительные социальные эффекты цифровизации городской среды ослабевают. Наиболее уязвимой социальной группой с точки зрения вовлечённости в цифровую трансформацию является именно пожилое население, образ жизни которого ранее не предполагал использования цифровых технологий в качестве инструмента достижения повседневных целей. В результате, пожилые люди чаще других возрастных групп исключаются из цифровой трансформации и не имеют возможности использовать её преимущества для улучшения качества жизни. Причины сложившейся ситуации требуют пристального внимания исследователей.

Из трёх вышеперечисленных условий, определяющих вовлечение пожилых горожан в цифровую трансформацию — осведомлённость, достаточный уровень дохода и обладание необходимыми цифровыми навыками, наиболее проблемным, с нашей точки зрения, является последний (*наличие у пожилых людей необходимых цифровых навыков*¹). Цифровые навыки являются продуктом не столько образования, сколько социализации. Как правило, овладение цифровыми технологиями происходит не в формате традиционного обучения (в школе, университете), а в ходе решения прикладных задач как в повседневной, так и в профессиональной деятельности. Пожилые люди часто дистанцируются от цифровой среды ещё на этапе профессиональной жизни, когда задачи, связанные с использованием и освоением новых технологий, поручают более молодым сотрудникам. В результате, осуществляется их дискриминация на рабочем месте, стимулирующая отчуждение пожилых от цифровой трансформации. Рассмотрим этот феномен подробнее.

Цифровизация сферы труда и техноэйджизм в профессиональной деятельности

Современные информационно-коммуникационные технологии прочно вошли в трудовые практи-

¹ Под цифровыми навыками обычно понимают совокупность умений использования цифровых устройств, коммуникационных приложений и сетей для поиска и управления информацией, создания и распространения цифрового контента, взаимодействия и сотрудничества, а также для решения проблем в контексте эффективной и креативной самореализации, обучения, работы и социальной активности в целом.

ки населения. По результатам телефонного опроса, проведённого в Санкт-Петербурге, большинство работающих горожан умеют пользоваться как различными техническими устройствами (персональный компьютер, копировальная техника), так и интернетом (поисковые программы, мессенджеры, социальные сети), *табл. 1*. При этом границы между «профессиональными» и «бытовыми» цифровыми технологиями постепенно исчезают — такой «развлекательный» элемент всемирной паутины, как социальные сети (ВКонтакте, Facebook, Одноклассники), всё чаще превращается в рабочий инструмент. Но если рассмотреть практику использования новых технологий работниками старше 50 лет (лица предпенсионного и пожилого возраста), то картина меняется — разница может быть в 2 раза и более (в случае с интернет-мессенджерами и облачными хранилищами).

Наиболее заметен разрыв в отношении различных интернет-технологий (особенно поисковиков и мессенджеров), которые могут помочь в решении как профессиональных, так и повседневных задач (записаться на приём к врачу, заказать услугу или товар, оставаться на связи с близкими). Как показывают исследования, после 55 лет люди пользуются интернетом ограниченно, в основном изучают информацию о товарах и услугах и общаются в социальных сетях. Однако только 10% возрастных пользователей делают покупки онлайн [10].

Глубокое погружение в цифровые сервисы (владею в полной мере или скорее владею) не только способствует формированию у работников разно-

образных цифровых навыков (*табл. 2*), но и мотивирует на дальнейшее обучение и саморазвитие. В нашем исследовании каждый четвёртый опрошенный считает компьютерную грамотность необходимым условием для выполнения трудовых функций. У пожилых людей также наблюдается мотивация к приобретению навыков использования цифровых продуктов, но она имеет другие основания. В первую очередь, чувство одиночества побуждает данную категорию населения прибегать к цифровым продуктам. Гораздо в меньшей степени мотиватором становится желание профессиональной переподготовки или развития [8].

По этой причине владение цифровыми навыками в профессиональной деятельности у лиц 50 лет и старше приблизительно в 2 раза ниже, чем у более молодых работников, что отражено в *табл. 2*. Использование сложных, профессионально ориентированных приложений и цифровых инструментов оказывается ещё более затруднительным.

Данные опроса показывают, что исключение работников старшей возрастной группы из цифровой трансформации сказывается на формировании у них цифровых навыков и на развитии мотивации к обучению компьютерной грамотности — желание повышать цифровую грамотность с возрастом только уменьшается (*рисунок*).

Наиболее существенная разница между представителями разных возрастных групп проявляется в возможности пользоваться различными профессиональными программами (в 3 раза меньше) и программировать (в 6 раз меньше) — то есть

Таблица 1

Распределение работающих горожан по использованию цифровых технологий в профессиональной деятельности в зависимости от возраста, %

Постоянно или часто используют	18–49 лет	50 лет и старше
Персональный компьютер или ноутбук	71	56
Копировальную технику	57	43
Офисные программы (Microsoft World, Excel)	58	42
Интернет-поисковики (Google, Yandex)	61	40
Интернет-мессенджеры (Telegram, Skype, Viber)	49	22
Облачные хранилища	34	16
Социальные сети (ВКонтакте, Facebook, Одноклассники)	29	17

Таблица 2

Распределение работающих горожан по владению цифровыми навыками в профессиональной деятельности в зависимости от возраста, %

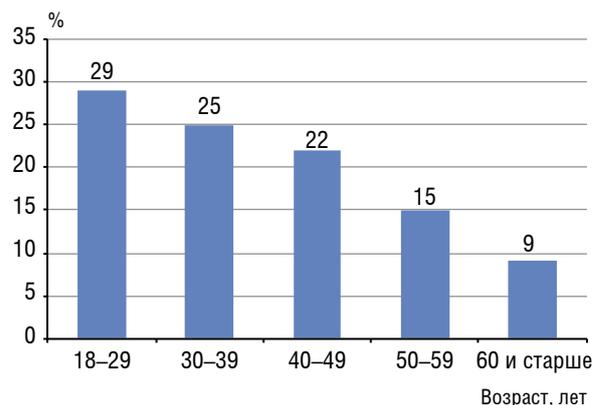
В полной мере или скорее владеют	18–49 лет	50 лет и старше
Электронной почтой	90	51
Поисковыми системами (Google, Yandex)	90	52
Различными профессиональными программами (Photoshop, Autocad)	48	15
Информационно-аналитическими системами (Консультант+)	31	13
Программами для управления ресурсами предприятий	33	19
Программированием (например, Python)	18	3

теми инструментами, которые дают возможность не только иметь дополнительный заработок, но и работать удалённо в случае необходимости (например, в условиях пандемии). Иными словами, ограниченное использование новых технологий работниками старше 50 лет не только ухудшает формирование у них цифровых компетенций и снижает мотивацию на обучение компьютерной грамотности, но и негативно влияет на адаптационные возможности в случае каких-либо кризисных ситуаций. Возникает вопрос — каковы причины исключения людей старшего возраста из цифровой трансформации?

Тексты глубинных интервью позволили предположить, что главной социальной причиной эксклюзии пожилых в процессе технологического обновления предприятия или компании является техноэйджизм. Как правило, при обновлении профессионального оборудования, активного внедрения в практики внутренних коммуникаций новых технологий люди старшего возраста без видимых причин смещаются с занимаемых ранее позиций (как с официальным изменением должности, так и без) или же утрачивают связь с происходящими внутриорганизационными процессами, не имеют возможность «развиваться вместе с компанией». К такому выводу авторы пришли на основе анализа текстов глубинных интервью: так, все случаи техноэйджизма, о которых говорили информанты в исследовании, были связаны с каким-либо технологическим обновлением компании и приводили к «уходу в сторону» или к «отдалению от компании».

Рассмотрим это явление подробнее. Эйджизм, как создание стереотипов и дискриминация отдельных людей или групп по возрастному признаку¹, является актуальной проблемой прежде всего в отношении людей старшей возрастной группы. По некоторым данным, 60% горожан в той или иной степени имеют предубеждения в отношении пожилых людей [4]. При этом большинство эйджистских стереотипов связаны с *отрицанием социальной значимости людей старших возрастных групп, их «меньшей ценностью» по сравнению с людьми другого возраста* («молодым везде дорога», «будущее за молодыми») [10, 15].

Техноэйджизм выстраивается по сходному принципу. Приведем типичные высказывания глубинных интервью: «*Был такой момент, у нас обновилось всё оборудование, то, с чем я раньше работал, списали. Молодых отправили на об-*

Желание людей разного возраста повысить компьютерную грамотность

учение, а меня просто взяли и перевели в другой отдел, я больше монтажными работами не занимаюсь»; «Там обучение было на английском, решили, что целесообразно отправлять тех, кто лучше владеет языком. В основном это были те, кто помоложе, конечно»; «Раньше вот у нас рассылки были почтовые, лично каждому сотруднику приходили, а сейчас всё больше в Workplace². Мне там тяжело следить за информацией, я постоянно что-то пропускаю важное, объявления какие-нибудь».

Анализ интервью позволил выделить три ключевые характеристики техноэйджизма на рабочем месте. Во-первых, в отличие от «обычного» эйджизма, техноэйджизм чаще *бывает автостереотипным* (представления о пожилом человеке как «отстающем» могут разделяться и у пожилых). Наши информанты пожилого возраста не всегда воспринимали исключение себя из технологических инноваций как дискриминацию, характеризуя сложившуюся ситуацию как «*стало проще*», «*спокойнее*», «*меньше ответственности*», «*получил хорошую должность*», «*и так хорошо*» («*Мне уже, наверное, и тяжело по объектам ездить, возиться с вышками, тем более постоянно что-то новое появляется, не успеваешь угнаться. У меня таких амбиций, как у молодёжи, нет*»; «*У меня сейчас хорошая должность, я начальник отдела, зачем мне это? Лишняя головная боль только. А мне и так хорошо*»).

Во-вторых, процесс вовлечения в цифровую трансформацию пожилых горожан часто *сопровождается технострессом* (чувством тревоги, стра-

¹ Определение, предлагаемое ВОЗ <https://www.who.int/>

² Корпоративная коммуникационная платформа, разработанная на базе социальной сети Facebook, включающая такие возможности, как создание групп, отправка сообщений, обновление новостной ленты.

хом упустить что-то важное) [18], что значительно снижает их адаптационные возможности и изнутри «подпитывает» техноэйджистские стереотипы. Пожилые работники особенно уязвимы перед технострессом; с одной стороны, они не имеют нужной практической и психологической подготовки к работе с новыми технологиями, с другой — вынуждены постоянно с ними сталкиваться (при этом в качестве стимула обучаться чаще всего выступает страх потерять работу, оказаться хуже других, остаться в одиночестве).

Рассмотрим конкретные проявления техностресса, выявленные в интервью. Эти тексты анализировали согласно стратегии обоснованной теории, которая предполагает концептуализацию исходных данных (были выделены две модальности в восприятии новых технологий пожилыми людьми — «агрессия» и «беспомощность»), объединение исходных кодов в две обобщённые категории («борьба» и «бегство»). «Борьба» с новыми технологиями предполагает стремление избегать их использования в профессиональной деятельности, препятствовать их внедрению, выступать за возврат к традиционному («делать по старинке»). Это проявляется в стремлении минимизировать электронные средства коммуникации (предпочтение личных визитов вместо обращения в мессенджере), предпочтение почтовой рассылки вместо получения информации из ленты новостей в корпоративных социальных сетях, организации офлайн (очных) совещаний вместо дистанционных («Пятиминутка с последними новостями от руководителя должна быть раз в неделю обязательно»). «Боязнь» новых технологий проявляется как общая растерянность, неуверенность в себе, неспособность успевать за изменениями, контролировать использование технологий, справляться с большими потоками информации («Поток информации превратился в информационный шум, всё это очень сильно мешает работе, не даёт концентрироваться»; «Тебя заливают ливнем информации, которая идет с разных уровней, и вроде как надо всё посмотреть, но что с этим делать — непонятно, а время рабочее уходит»).

В-третьих, усиление цифровизации приводит к углублению цифрового неравенства между работниками молодого и старшего возраста. К примеру, когда традиционное (очное) обучение в компании полностью переводится в онлайн-режим, формируется своеобразный замкнутый круг: чтобы успешно справляться с профессиональными обязанностями,

работнику нужно освоить новое программное обеспечение, чтобы освоить новое программное обеспечение — нужно владеть новыми технологиями, чтобы освоить новые технологии — нужно разбираться в программном обеспечении и т.д. («Обучение у нас на фирме теперь всё в формате онлайн происходит, а я к такому формату как-то не привыкла, не получается организовать, чтобы всё успеть, ну и технические трудности опять же имеют место»).

Техноэйджизм в профессиональной деятельности получает продолжение в повседневной жизни. В результате, техноэйджизм на рабочем месте не только негативно сказывается на результатах труда, но и влияет на качество жизни пожилых людей, *повышая риск социальной исключённости*, который по своей значимости уступает лишь риску бедности и материального неблагополучия [11].

Особенно остро данная проблема проявилась в условиях пандемии Covid-19. По нашему мнению, усугубляют ситуацию не только физиологические особенности организма пожилого человека (пожилые подвержены более высокому риску заражения и тяжелого течения заболевания) или перегрузка системы здравоохранения (неспособность врачей своевременно и в полном объёме оказывать медицинскую помощь всем нуждающимся), но и меры физического дистанцирования, направленные на сдерживание распространения вируса у населения, особенно проживающего в густонаселённых городах (Москва, Санкт-Петербург, Минск). Официально введённые в России и Беларуси запреты и ограничения глубоко затронули жизнь пожилых людей: многие оказались отрезанными от услуг, поддержки и ухода, на которые привыкли рассчитывать ранее. Лишившись возможности реализовывать повседневные практики традиционным способом (посещать магазины, аптеки, поликлинику, общаться с родственниками и знакомыми, оплачивать коммунальные услуги), они зачастую были не готовы одномоментно «виртуализировать» их. Обычная в таких случаях поддержка со стороны детей, внуков, консультантов в банке или в отделении почты была недоступна. Как результат, пожилые люди фактически оказались в полной социальной изоляции, что негативным образом сказалось на их психологическом самочувствии и сделало лёгкой мишенью для опасной болезни.

Можно интерпретировать взаимодействие человека с цифровыми технологиями в контексте размышлений о «созидательном разрушении» Й. Шумпетера, который использовал данное по-

нятие как синоним для понятия «инновация» [2]. Действительно, сталкиваясь с новыми задачами (например, ежедневный просмотр в режиме реального времени больших потоков новостей в социальных сетях или необходимость зарегистрироваться и проходить авторизацию для использования мобильных приложений), индивиды развивают такие когнитивные навыки, как способность к поиску, систематизации, синтезу и оценке информации, усваивают принципы сетевой безопасности, повышают общую компьютерную грамотность. Сформированные в повседневных практиках навыки уменьшают проявления техностресса, помогают адаптироваться к появлению новых технологий в повседневной жизни (так, освоив электронную почту и научившись искать и систематизировать информацию в интернете, индивид получает возможность заказать доставку продуктов на дом; посмотреть расписание работы специалистов в поликлинике; записаться к врачу с помощью системы электронной регистрации и т. д.). Регулярное использование цифровых продуктов в быту повышает шансы адаптации пожилых людей к цифровым трансформациям в сфере профессиональной деятельности, минимизируя техноэйджизм и его последствия. Очевидно, что меры, направленные на развитие цифровой грамотности пожилых и адаптацию к новым технологиям, окажут позитивное влияние на их техноповедение в повседневных и профессиональных практиках, что, возможно, приведет к нивелированию эффекта техноэйджизма.

Заключение

Техноповедение пожилых горожан и их адаптивность к цифровой трансформации напрямую связаны с доступностью цифровых продуктов в профессиональной и повседневной жизни, возможностями развития цифровых навыков. Наши исследования показали, что «отстраненность» пожилых людей от продуктов цифровизации ведет к нежеланию, недоверию, часто даже боязни осваивать цифровые ресурсы. Глубинные интервью продемонстрировали стереотипы представителей старших возрастных групп, считающих, что «работа по старинки» не менее эффективна. Наблюдали также рефлексию к самоисключаемости из процессов цифровизации, «я для этого слишком стар».

Закономерно, что техноповедение в профессиональной и повседневной сферах жизнедеятельности во многом тождественны. Более того, они взаимосвязаны: научившись использовать компьютер

и интернет для решения повседневных задач (онлайн-услуги, контакты с близкими людьми при помощи мессенджеров и прочее), индивид с лёгкостью применяет эти навыки в профессиональных целях.

Техноэйджизм и техноповедение — взаимобусловленные феномены, первый определяет отношение к субъекту деятельности, второй формирует поведенческую реакцию (приспособляемость) пожилых людей. Как разновидность, техноэйджизм во многом схож с эйджизмом, но имеет ярко выраженные отличительные черты: он основан на стереотипах и дискриминации пожилых людей, для которых «недоступны» («непознаваемы») процессы и продукты цифровой трансформации (иногда из ложной заботы, руководствуясь сформированными стереотипами об их беспомощности). Он чаще бывает автостереотипным, провоцирует техностресс, при этом усиление цифровизации в профессиональной и повседневной жизни только усиливает цифровые разрывы. Техноэйджизм, помимо очевидного негативного влияния на профессиональную жизнь работников старшего возраста, приводит к их зависимости в повседневной жизни, лишает уверенности в своих силах, приучает в решении любых проблем полагаться на других людей (часто более молодых). Он значительно увеличивает риск социальной исключённости, что в кризисных ситуациях (таких как пандемия) может иметь катастрофические последствия.

Результаты проведенных исследований позволяют нам утверждать, что регулярные практики использования цифровых технологий в быту способствуют лучшей усвояемости вводимых инноваций в трудовой сфере. Но для пожилых людей приобщение к «цифре» должно быть простимулировано, скорее, источниками внешней среды. На предложенный в телефонном опросе тезис, что «большинство информационных технологий сегодня можно освоить самостоятельно», лишь 5,2% респондентов 60 лет и старше ответили положительно. Из этого напрашивается вывод о необходимости мер социального порядка, вовлекающих пожилых людей в цифровую среду, обеспечивающих ее доступность, объясняющих полезность и эффективность использования продуктов цифровизации. Социальная политика, направленная на приобщение людей старше 60 лет к процессам и продуктам цифровой трансформации в повседневной и профессиональной жизни, с нашей точки зрения, способна трансформировать отношение к людям данной возрастной группы, а также их

стереотипы поведения, существенно снизив социальные издержки использования пожилыми новых технологий.

Конфликт интересов отсутствует.

Литература

1. Алексеева О.А., Бестужева О.Ю., Вершинская О.Н., Скворцова Е.Е. Адаптация пенсионеров к интернет-среде // Соц. психол. и общество. 2018. Т. 9. № 2. С. 150–164.
2. Анисимова Ю.А. Созидательное разрушение как фактор экономического роста // Вестн. Ивановского гос. ун-та (серия «Экономика»). 2016. № 4. С. 6–10.
3. Асочаков Ю.В. «Цифровая либерализация», «цифровое неравенство» и киберскептицизм // Вестн. СПбГУ (серия 12 «Психология. Социология. Педагогика»). № 2. 2015. С. 93–99.
4. БЕЛТА: В обществе важно формировать позитивный образ пожилого человека — мнение. Минск, 2019 [электронный ресурс]. URL: <https://www.belta.by> (дата обращения 05.05.2020).
5. Волченко О.В. Динамика цифрового неравенства в России // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2016. № 5. С. 163–182.
6. Воронин Г.Л., Курьячева М.М. Интернет-пространство старшего поколения: анализ проблемы вхождения в цифровую эпоху // Вестн. Нижегородского ун-та им. Н.И.Лобачевского (серия «Социальные науки»). 2018. № 3 (51). С. 55–65.
7. Государственная программа научных исследований «Общество и гуманитарная безопасность белорусского государства», 2021–2025 годы [интернет]. 16 июня 2020 [продублировано 16 июня 2020]. Доступно по: <https://www.bstu.by/uploads/attachments/%D0%BF%D0%B5%D1%80%D0%B5%D1%87%D0%B5%D0%BD%D1%8C%20%D0%BF%D1%80%D0%BE%D0%B3%D1%80%D0%B0%D0%BC%D0%BC.pdf>
8. Григорьева И.А., Петухова И.С. Интернет-практики пожилых: 10 лет развития и изучения // Гос-во и граждане в электронной среде. 2019. № 3. С. 78–90.
9. Жеребин В.М., Махрова О.Н. Цифровой раскол между поколениями // ФЭС: Финансы, экономика, стратегия. 2015. № 4. С. 5–9.
10. Колпина Л.В. Эйджизм в обслуживании пожилых граждан учреждениями здравоохранения и социальной защиты. Ульяновск: Зебра, 2015.

11. Корнилова М.В. Интернет как адаптационный ресурс пожилых пользователей // Изв. Саратовского ун-та. Новая серия «Социология. Политология». 2018. Т. 18. Вып. 3. С. 250–259.

12. Кузнецов А., Сергеева О. «Новые» технологии и «старые» люди: исследование опыта пользования компьютером у представителей третьего возраста // Социология власти. 2014. № 3. С. 99–125.

13. Национальный проект «Цифровая экономика» (сроки реализации 2018–2024 гг.) [электронный ресурс]. URL: <http://static.government.ru/media/files/3b1AsVA1v3VziZip5VzAY8RTcLEbdCct.pdf> (дата обращения 17.06.2020).

14. Национальный статистический комитет Республики Беларусь. Численность пенсионеров, состоящих на учете в органах по труду, занятости и социальной защите. Минск, 2019 [электронный ресурс]. URL: <https://www.belstat.gov.by> (дата обращения 25.06.2020).

15. Романьчев И.С. Социальные стереотипы в отношении пожилых: противоречия и тенденции // Социология и жизнь. 2013. № 1. С. 64–68.

16. Технологии умных городов: что влияет на выбор горожан? [электронный ресурс]. URL: https://www.mckinsey.com/ru/~/_/media/McKinsey/Industries/Public%20Sector/Our%20Insights/Smart%20city%20solutions%20What%20drives%20citizen%20adoption%20around%20the%20globe/smartcitizenbook-rus.ashx (дата обращения 25.06.2020).

17. Федеральная служба государственной статистики РФ [электронный ресурс]. URL: <https://www.gks.ru/storage/mediabank/demo14.xls> (дата обращения 01.07.2020).

18. Fischer T., Riedl R. Technostress Research: A Nurturing Ground for Measurement Pluralism // Commun. Ass. Inform. Systems. 2017. Vol. 40. P. 375–401.

19. Park S. Digital capital. London, United Kingdom: Palgrave Macmillan, 2017. <https://doi.org/10.1057/978-1-137-59332-0>

20. Van Dijk J. A theory of the digital divide / In M. Ragnedda, G.W. Muschert (eds.) The digital divide: The internet and social inequality in international perspective. New York, NY: Routledge. 2013. P. 28–51.

21. Vartanova E., Gladkova A. New forms of the digital divide / In J. Trappel (Ed.) Digital Media Inequalities: Policies against Divides, Distrust and Discrimination. Bohus, Sweden: Ale Tryckteam AB. Nordicom, 2019.

Поступила в редакцию 06.07.2020

После доработки 20.09.2020

Принята к публикации 28.09.2020

R.V. Karapetyan¹, E.V. Lebedeva², L.G. Titarenko²

TECHNOAGISM AND TECHNICAL BEHAVIOR OF THE ELDERLY CITIZENS: RESULTS OF RUSSIAN AND BELARUSIAN RESEARCHES

¹ Saint-Petersburg State University, 7/9 Universitetskaya nab., St. Petersburg 199034, e-mail: r.karapetyan@spbu.ru;

² Belarusian State University, 4 pr. Nezavisimosti, Minsk 220030, Belarus

The article is aimed to analyze social effects of digitalization using the example of the elderly in big city. Digitalization in this article is considered in two aspects: as introduction of digital technologies in everyday life (as well as «smart city»); and digital transformation of professional practices. Special attention is paid to such phenomena as techno-ageism (exclusion of older people from the digital sphere) and related technostress.

Key words: digital transformation, elderly, «smart city», digital competencies, discrimination and exclusion of the elderly in the labor sphere